

УДК 811.581.11'25:811.161.1'25

Трофимова Ольга Викторовна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
и общего языкознания
Институт социально-гуманитарных
наук Тюменского государственного
университета
Тюмень, Россия

Olga Trofimova

Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Chair of The Russian
Language and General Linguistics
The Institute of Social Sciences
and Humanities of the Tyumen State
University
otrofim@rambler.ru

Тун Цзин

кандидат филологических наук
Freelancer
Ху Лудао

Tong Jing

PhD in Philology
Freelancer
Hu Ludao
t.jing@yandex.ru

БАЗОВАЯ НОМИНАЦИЯ *ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЁВ*
И ЕЕ ТЕКСТОВЫЕ ЗАМЕСТИТЕЛИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ НОМИНАЦИЙ ПЕРСОНАЖА В КИТАЙСКИХ
ПЕРЕВОДАХ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

BASIC NOMINATION *EMELYAN PUGACHEV*
AND ITS TEXTUAL SUBSTITUTES: COMPARATIVE STUDY
OF CHARACTER NOMINATIONS IN CHINESE TRANSLATIONS
OF A. S. PUSHKIN'S NOVELLA "THE CAPTAIN'S DAUGHTER"

На материале семи китайских изданий повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», входящей в список текстов-достояний мировой литературы, рассмотрены переводы компонентов одной из тематических цепочек – линейной текстообразующей категории. Выявлены общие закономерности и индивидуальные переводческие решения при переводе текстовых заместителей прецедентной базовой номинации *Емельян Пугачев*.

Based on the material of seven Chinese editions of A. S. Pushkin's novella "The Captain's Daughter", which is included in the list of texts-the treasures of world literature (cultural capital), the authors examined the translations of the components of the thematic chain, which has the basic nomination Emelyan Pugachev. The general patterns and individual translation solutions in the translation of the text substitutes of the precedent anthroponym are revealed.

К л ю ч е в ы е с л о в а: перевод художественного текста; текстообразующие категории; тематическая цепочка; китайский язык; русский язык; «Капитанская дочка».

Key words: translation of literary text; text-forming categories; thematic chain; Chinese; Russian; «Captain's daughter».

Повесть «Капитанская дочка» А. С. Пушкина была и остается в Китае особо значимым текстом: в 1903 г. именно с издания вольного перевода, правда, не с русского оригинала, а с японского перевода этой повести, получившей в Китае название «Русская история любви Ми Ши и Мали» (俄国情史斯密士玛丽传), русская литература вошла в жизнь китайских читателей. К настоящему времени известно более 20 китайских переводов (их историю и отдельные характеристики, включая перевод на русский язык соответствующей китайской критической литературы, см. в [1, л. 52–67, 283–287]). Семь из них [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8] стали материалом для сопоставительного изучения переводческих решений, принятых при передаче лингвокультурной информации [1]. Оказалось, что о достаточно высокой степени эквивалентности перевода (имен собственных, фразеологических единиц или нарицательных существительных-культуронимов) чаще всего можно говорить в ситуации перевода с комментарием [9; 10; 11]. Энциклопедическими, а не языковыми комментариями в анализируемых источниках, как правило, отмечен ввод в текст имени исторической личности, значимого в истории события, а также прецедентного текста в функции эпиграфа.

Воспользовавшись данными Национального корпуса русского языка (НКРЯ), мы выяснили, что в него вошло много ярких примеров прецедентности фамилии *Пугачев*, ассоциированной с персонажем пушкинской повести. Так, из первых же десяти документов основного корпуса, содержащих эту фамилию, девять отсылали к «Капитанской дочке» (данные от 17.06.2018), в газетном корпусе – два (впрочем, НКРЯ свидетельствует о гораздо большей прецедентности фамилии *Швабрин*: из 14 документов основного и 11 газетного корпусов, включающих этот антропоним, только по два не связаны с «Капитанской дочкой» [1, л. 131–132, 391–392]).

Цель настоящей статьи мы видим в исследовании того, как в китайских переводах представлен прецедентный для русского читателя исторический персонаж (с базовой номинацией имя + фамилия; см. у Пушкина в секретном письме капитану Миронову), который в то же время является действующим лицом повести (и, следовательно, как любой другой предмет речи, имеет в связанном тексте номинативную цепочку, презентуемую через последовательность текстовых замещений [12, с. 21]). Особенности состава номинативных цепочек часто обуславливают интригу художественного текста (как и в случае «Капитанской дочки») и потому относятся к трудным переводческим ситуациям.

Проанализировав переводы антропонимов в повести, мы отметили отсутствие в изданиях комментариев к фамилии *Пугачев* и вариантов ее перевода: перевод 普加乔夫 *Пугачев* относится к устоявшимся переводам имен реаль-

ных исторических деятелей. Однако в номинативной цепочке персонажа есть компонент *Емеля* («*Емеля, Емеля! – думал я с досадою, – зачем не наткнулся ты на штык...*» [13, с. 365]). В китайских изданиях находим шесть разных фонетических его переводов (при этом варианты 葉美梁 (е-мэй-лян) [2, с. 155], 叶米良 (е-ми-лян) [4, с. 124; 8, с. 108], 叶梅利扬 (е-мэй-ли-ян) [6, с. 121], 叶米里扬 (е-ми-ли-ян) [7, с. 232], по мнению носителя китайского языка, фонетически ближе к официальному имени *Емельян*; варианты 叶美里亚 (е-мэй-ли-я) [3, с. 330], 叶梅利亚 (е-мэй-ли-я) [5, с. 113] – к форме *Емеля*), а также три комментария, не поясняющих, впрочем, стилистическую и сюжетную нагрузку нового варианта имени Пугачева во внутренней речи возмужавшего Гринева: 普加乔夫的名字 [3, с. 330] = *имя Пугачева* (так же [4, с. 124; 8, с. 108]).

Для прозвища *Пугач* с переводом 普加奇 (пу-цзя-ци) дан единственный комментарий *прозвище* [3, с. 274]; в прочих изданиях – вариант 普加乔夫 *Пугачев*. Таким образом, переводчики в большинстве своем не обратили внимание читателя на нюанс номинации, свидетельствующей о принятии Пугачева народом в качестве «своего», о равноправии «государя» и его соратников, – нюанс, значимый для понимания и пушкинской повести, и русской истории.

Базовая номинация *Емельян Пугачев* включена в две разные цепочки наименований (с начальными компонентами *вожатый* и *государь*), следовательно, необходим и их анализ. Остановимся, в частности, на переводах фрагмента, в котором отождествление персонажей дано в объективной реальной модальности (*было*) и подчеркнуто лексико-грамматическим способом – сказуемым *удостоверился* в главной части сложноподчиненного предложения: *В самом деле сходство Пугачева с моим вожатым было разительно. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо ...* [13, с. 309]. Приведем перевод из издания 1956 г. с подстрочником по словарю [14]: 果然 (действительно, в самом деле, и впрямь), 普加乔夫 (*Пугачев*) 和 (согласие) 我 (мой) 以前 (прежде) 那个 (тот самый) 向导 (*вожатый*) 真是 (истинный, настоящий, верный) 像 (портрет) 得很 (очень) 。 我 (я) 断 (утверждать, решать) 定 (наверняка) 普加乔夫 (*Пугачев*) 和 (согласие) 那 (тот) 人 (человек) 是 (быть) 同一 (одинаковый) 个人 (один человек) ... [2, с. 92]. Такой же перевод слова *вожатый* 向导 ‘проводник, вожак’ находим в [5, с. 66; 7, с. 205], второй вариант 领路人 ‘вожатый’ – тоже у трех переводчиков [3, с. 284; 4, с. 75; 6, с. 73], третий 带路人 ‘проводник’ – в [8, с. 64]; все варианты являются в китайском языке словарными синонимами, не имеющими особых стилистических различий.

В повести четыре фрагмента со словом *дорожный*, имеющим в переводе два варианта, оба со словообразовательным иероглифом 人, передающим максимально обобщенное значение ‘человек’ (人 использован и в двух вариантах перевода слова *вожатый*, – вероятно, для переводчиков оказался значимым факт субстантивации русских слов, сохраняющих на уровне словообразо-

вания или же только лексической семантики связь с движением по дороге). При этом каждый переводчик использовал только один вариант: самый частотный 过路人 ‘прохожий, проезжий’ (во всех переводах, кроме [6]) – здесь скорее актуализируется значение чуждости человека, проходившего было мимо, неопределенности его местоположения [14] (этот смысловой нюанс, с учетом двух «масок» Пугачева в повести, исключить нельзя); или же 行路人 (только в [6]) – в этом переводе общее значение первой части 行路 ‘ходить или ездить по дороге’ (в словаре [14]: ‘1) путешествовать, ездить; 2) путь [следования], дорога; 3) жизнь, существование; 4) путник, прохожий; посторонний (случайный человек)’). В повести Пугачев «стоит на твёрдой полосе» той дороги, с которой сбилась было кибитка Гринева, и каждый – не «случайный» в жизни другого человек; представляется, что именно сюжетные ассоциации со значением ‘жизнь’ «примиряют» с этим вариантом перевода.

Для пушкинского слова **бродяга**, употребленного в пяти предложениях, переводчики нашли пять вариантов перевода. В основе первых трех лежит сочетание 流浪 ‘бродяжничать’: 流浪者 [2]; 流浪汉 [3; 4; 5; 8], а в переводах [6; 7] – в ситуации невозможности отождествления Гринёвым *бродяги* и *государя* в отношении «одного и того же лица»; 流浪人 [7], но только в трех предложениях. Различия их, следовательно, определяются последним иероглифом: 者 [2], по словарю [14], суффикс существительных – названий лиц по профессии или категории; 汉 ‘человек без определенного места жительства’ иногда имеет отрицательный оттенок; 人 см. выше. Четвертый вариант 领路人 ‘вожатый’ – только в [6]: переводчик Ли выбрал его для перевода и *вожатого*, и *бродяги* (при этом у него больше всего – три – вариантов перевода русского слова *бродяга*). Стоит обратить внимание на различие семантики, характеризующей пять исходных предложений (и нагляднее всего коррелирующей с различиями в переводах Ли). Первые два предложения, вводящие в текст речь персонажа, – из внешней речи Гринева-рассказчика: ... *возразил мой бродяга...*; ...*сказал мой бродяга...* [13, с. 246, 248]; контактная связь в обоих случаях с притяжательным прилагательным *мой* может быть сигналом субъективно-оценочного значения: ‘это я, говорящий его так условно называю’. В третьем предложении **Бродяга** *был чрезвычайно доволен моим подарком* [13, с. 249] дистанция между словами *бродяга* и *мой*, входящими уже в разные синтагмы, – три слова; рассказчик характеризует видимое состояние «он-персонажа», который «в проекции» на барский тулупчик действительно выглядел *бродягой*. Особо отмечаем, что здесь переводчик Ли единственный раз и один из всех воспользовался китайским словом 汉子 (пятый вариант перевода), имеющим значение не только ‘мужчина’ (иногда с негативным оттенком), но и ‘детина, добрый молодец, человек крепкого сложения’ [14], «играющее» в ситуации подаренного заячьего тулупчика.

Четвертое и пятое предложения, из внутренней речи Гринева, характерны для текста-рассуждения. В них – явная парадоксальность ситуации и еще большая социальная дистанция героев.

В четвертом: ... *детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли ...* [13, с. 309]; в пятом же (*Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии ...* [13, с. 314]), где должен осуществиться следующий этап объективного отождествления компонентов двух номинативных цепочек (*бродяга* и *государь*), подчеркнутая синтаксическая субъективно-оценочная модальность (*я смутился, я не в состоянии*) актуализирует значение *бродяги* именно как «носителя» социального статуса [15]). Здесь Ли использовал самый частотный, именно «социальный» и в то же время рационально-оценочный, вариант 流浪汉 (как в [3; 4; 5; 8] и частично в [7]). Отметим, что разграничение китайских номинаций для *бродяги* в первых трех предложениях и последних двух мы видим также в [7]; в прочих во всех случаях использован нейтральный 流浪者 [2] или «социальный» 流浪汉 [3; 4; 5; 8].

Сопоставление переводов показало слово *государь* в шести вариантах, при этом в каждом из изданий – от двух до четырех. На материале 12 предложений пушкинского текста можно дифференцировать два типа ситуаций (и два значения) использования слова *государь*: во-первых, верховный правитель [16, с. 285]: «государь+» в речи «изменников» [13, с. 299, 301, 314] и самого Пугачева [13, с. 302, 314], «государь–» в субъективно (*мне*) подчеркнутым отрицанием в ответе капитана Миронова *Ты мне не государь...* [13, 302] и во внутрисинтаксической модальности внутренней (см. выше: ... *был я не в состоянии...*) и внешней (... *могу ли признать тебя государем*) речи Гринева [13, с. 134] («социальное» значение); во-вторых, '(стар.) господин, помещик' [16, с. 285] в ответах попадьи [13, с. 302, 307], благодарности Савельича [13, с. 344] и в приглашении казака [13, с. 310] («этикетное» значение).

Четкое разграничение «социального» и «этикетного» значений выдержал только Сунь [2], противопоставив 皇帝 'император' (в то же время *презр.* о человеке, который имеет большое влияние) и 陛下 'Ваше Величество; государь'. Переводчики Хуан [4], Ли [6] и Ван [8] использовали первый вариант Суня 皇帝 'император' только в диалоге Пугачева и Гринева, признающего в невозможности признать Пугачева императором Петром III (но Ли «подключил» сюда и ответ капитана Миронова); во всех прочих случаях Хуан, Ли и Ван дали третий вариант 皇上 'царь, государь, император' (самый частотный в изданиях, использованный всеми, кроме Суня). В переводе Цзана [5] обнаруживается, хоть и непоследовательно, принцип: в репликах обеих сторон в диалогах с участием Пугачева – второй из указанных вариантов 皇上 'царь, государь, император', во прочих ситуациях – первый, 皇帝. Эти три варианта, на которые приходится 96 % употреблений в изданиях, в китайском языке при-

знаются синонимами, но с различием дискурсивной составляющей: связи с субъектом речи. Считается, что государь в собственной речи, как «я-персонаж», использует именно 皇帝, т. е. первый вариант; в речи других уместны только второй и третий варианты.

Любопытные результаты дает сопоставление переводов Фэна [3] и Лю [7]: в восьми предложениях – там, где у Фэна употреблен первый из указанных выше вариант 皇帝, у Лю в шести случаях – самый частотный третий 皇上, который использован также (обоими переводчиками!) в «этикетном значении» в ответах попады. Кроме того, в издании [3] есть единично сочетание 皇上陛下, которого нет в словаре; как результат сложения третьего и второго вариантов, оно может «наследовать» русское составное именование *великий государь*. В издании [7] фиксируем не повторяющиеся нигде варианты 君主 ‘монарх, государь, <...>; король; князь; монархический, самодержавный; Властитель’ – при переводе предложения *Или ты не веришь, что я великий государь?* [13, с. 314] и 国君 ‘государь, монарх; царь; князь’ – в словах сомневающегося Гринева. Однако первый из них ассоциируется в Китае с верховным правителем в древних странах; второй – с верховным правителем на этапе начала формирования государства (из чего читатель может сделать неверные выводы о России в XVIII в.).

Рассмотренная в статье русская тематическая цепочка, объединяющая две номинативные цепочки, состоящая из семи компонентов, имеет в китайских изданиях от семи (нет перевода *Пугач* и как минимум два для *государь*) до восьми [7; 8], девяти [6] и десяти [3] текстовых заместителей базовой номинации, что – особенно в последнем случае – показывает не только лексическое богатство перевода, но и возможные когнитивные проблемы для читателя.

Таким образом, проведенное исследование одной из текстообразующих категорий в китайских переводах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» приводит к выводам о существовании множественной интерпретации текста-оригинала и о корректной во многих случаях контекстуальной обусловленности принятых переводческих решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тун, Цзин. Лингвокультурный потенциал комментариев в переводном художественном тексте и его реализация в китайских переводах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Цзин Тун. – Тюмень, 2020. – 404 л. – Режим доступа: Dissertatsiya-Tun-TSzin.pdf (utmn.ru). – Дата доступа: 19.10.2021.

2. 上尉的女儿. (俄) 普希金著. 孙用译. 毕慎夫校. 北京: 人民文学出版社, 1956 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин ; пер. Сунь Юн ; ред. Би Шэньфу. – Пекин : Нар. лит., 1956). – 186 с.

3. 上尉的女儿. 普希金著. 冯春 张蕙译. 上海: 上海译文出版社, 1995 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер.: Фэн Чун, Чжан Хуэй. – Шанхай: Шанх. изд-во пер., 1995). – 369 с.
4. 上尉的女儿. (俄)普希金著. 黄甲年译. 长江文艺出版社, 1995 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер. Хуан Цзянянь. – Ханчжоу: Чанцзян вэньи, 1995). – 152 с.
5. 上尉的女儿. (俄)普希金著. 臧传真 少明译. 天津: 百花文艺出版社, 1997 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер.: Цзан Чуаньчжень, Шао Мин. – Тяньцзинь: Байхуа вэньи, 1997). – 139 с.
6. 上尉的女儿. (俄)普希金著. 力冈译. 杭州: 浙江文艺出版社, 2000 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер. Ли Ган. – Ханчжоу: Чжецзян вэньи, 2000). – 143 с.
7. (普希金小说选. / (俄罗斯)普希金著. 刘文飞译. 桂林: 漓江出版社, 2013 (Пушкин, А. С. Художественная проза / А. С. Пушкин; пер. Лю Вэньфэй. – Гуйлинь: Лицзян, 2013). – 249 с.
8. 上尉的女儿. (俄)普希金著. 智量译. 上海: 华东师范大学出版社, 2013 (Пушкин, А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин; пер. Ван Чжилян. – Шанхай: Пед. ун-т Восточного Китая, 2013). – 145 с.
9. Трофимова, О. В. Комментирование антропонимов в китайских переводах «Капитанской дочки» А. С. Пушкина / О. В. Трофимова, Я. П. Полухина, Цзин Тун // Мир русского слова. – 2017. – № 3. – С. 46–54.
10. Тун, Цзин. Фразеологические единицы в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: китайские варианты перевода и комментария / Цзин Тун // Научный диалог. – 2017. – № 10. – С. 81–97.
11. Трофимова, О. В. Наричательная лексика как объект перевода и комментария в китайских изданиях «Капитанской дочки» А. С. Пушкина / О. В. Трофимова, Я. П. Полухина, Цзин Тун // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 433. – С. 47–58.
12. Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
13. Пушкин, А. С. Капитанская дочка: [повести] / А. С. Пушкин. – М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. – 380 с.
14. 大БКРС [Electronic resource]. – Mode of access: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E7%BE%8A%E6%8B%90>. – Date of access: 19.10.2021.
15. Бурькин, А. А. Вина бродяжества и феномен бродяжничества: к истории «конкуренции слов» / А. А. Бурькин, О. В. Трофимова // Славянская историческая лексикология и лексикография. – 2020. – № 3. – С. 7–27.
16. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: в 2 кн. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – Кн. 2: О-Я. – 590 с. – (Репринт. изд.).